

В.А. Ильных

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ НАЛОГ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1924—1928 гг.

Важное значение для понимания особенностей отечественной истории имеет исследование проблемы взаимоотношений крестьянства и государственной власти. В ее рамках на первый план в современных условиях выходит анализ отношений указанных субъектов в периоды функционирования переходных экономических систем, из которых особенно значимой является нэп. Сферой перманентного столкновения интересов крестьянства и господствующего в стране режима в условиях нэпа была система прямого налогового отчуждения земельной ренты, которая в начале 1920-х гг. эволюционировала от натуральных к денежным формам. В 1924—1928 гг. основным инструментом обложения деревни являлся взимаемый деньгами единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН)¹. В конце десятилетия, наряду с увеличением числа взимаемых с крестьян налогов и сборов, произошла рефеодализация налоговой системы, которая заключалась в возврате к присущему для феодализма сословному, групповому, натуральному и податному характеру обложения.

Налоговая политика советского государства в середине и конце 1920-х гг. неоднократно становилась объектом анализа со стороны исследователей истории советской доколхозной деревни². Несмотря на наличие большого количества специальных статей и разделов в монографических изданиях по данной теме, по-прежнему недостаточно исследованными остаются региональные аспекты проблемы и реакция крестьянства на налоговую политику режима.

Целью настоящей работы является рассмотрение изменений, вносимых в 1924—1928 гг. в порядок обложения сибирской деревни единым сельскохозяйственным налогом, а также реконструкция протестных форм поведения крестьянства в связи с его проведением и способов борьбы с ними со стороны государства.

Основной функцией ЕСХН являлась мобилизация денежных ресурсов деревни в бюджетную сферу. Помимо этого налог рассматривался как средство регулирования социально-экономических отношений, в первую очередь призванное ограничить развитие т.н. капиталистических элементов деревни. В то же время власти осознавали, что высокий уровень налогового изъятия сказывается на динамике производительных сил сельского хозяйства. Сделанный руководителями большевистского режима в тот или иной период нэпа

выбор приоритетного направления аграрной политики определял изменения, вносимые в порядок обложения.

ЕСХН был введен с 1923/24 окладного года³, заменив собой ряд общегосударственных (единый натуральный, подворно-денежный, единовременный денежный и трудгужналог) и местных налогов. Базовым объектом обложения сельхозналогом в большинстве регионов страны являлась площадь пахотно-сенокосных угодий, которыми владело крестьянское хозяйство. В регионах с преобладанием залежной системы земледелия, к коим принадлежала Сибирь, облагалась удвоенная площадь посева, произведенного в поле и на приусадебном участке. Помимо площади сельхозугодий или удвоенного посева учитывалось количество членов образующей дворохозяйство семьи (едоков), поголовье принадлежавшего ей рабочего и крупного рогатого скота (КРС)⁴, а также средняя урожайность зерновых и трав в данном районе.

Сумма налога, подлежащего уплате крестьянским хозяйством, определялась по 11 таблицам, соответствующим 11 группам (разрядам) урожайности. В них указывались ставки обложения, расположенные по принципу имущественной прогрессии. Строки каждой таблицы компоновались из 9 групп, сформированных в зависимости от площади пахотно-сенокосных угодий или удвоенного посева, приходящегося на одного едока, а столбцы – из 4-х групп по обеспеченности хозяйства скотом (в пересчете на КРС). Максимальные ставки обложения предусматривались для многопосевных хозяйств с большим количеством скота, минимальные – для малопосевных без скота⁵. Пример подобной таблицы, установленной для 4-го разряда урожайности, к которому были отнесены Алтайская и Новониколаевская губернии, а также Ойротия (Горный Алтай), приведен в примечании⁶.

Исчислялся ЕСХН, также как и предшествовавший ему единый натуральный налог, в ржаных единицах, но уплачивался как натурой (зерном), так и деньгами. В Иркутской губернии и Ойротии сельхозналог взимался только деньгами, в остальных губерниях Сибири – в смешанной форме. Соотношение между денежной и натуральной частью устанавливалась губисполкомами. При этом налогоплательщик имел право полностью или частично уплатить натуральную часть ЕСХН деньгами. С января 1924 г. единый сельхозналог повсеместно стал уплачиваться только деньгами.

В положение о ЕСХН на 1924/25 г.⁷ был внесен ряд существенных изменений. Взимался налог исключительно в денежной форме. Базовым объектом обложения для Сибири стал условный посев⁸ (для

других регионов – пашня), в состав которого помимо фактической, а не удвоенной, в отличие от прошлых лет, посевной площади по установленным для отдельных административно-территориальных образований коэффициентам пересчета⁹ включались не только сады, огороды и используемые сенокосы, но и скот¹⁰. В предыдущем году поголовье скота использовалось лишь как дополнительный показатель состоятельности хозяйства.

Размер налога, взимаемого с учтенной вышеназванным образом площади посева, зависел от разрядов и ставок обложения. При определении разряда, к которому причислялся тот или иной сельский район, помимо урожайности, учитывались уровень развития сельхозпроизводства и конъюнктурные особенности его ведения. По трем устанавливаемым для отдельных регионов прогрессивным ставкам в каждом хозяйстве облагались различные доли от общего количества единиц обложения, приходящихся на одного едока. Так, в Омской, Новониколаевской и Алтайской губерниях минимальная ставка устанавливалась для первых 0,25 дес. условного посева на едока, средняя – для посева от 0,25 до 1 дес., максимальная – для посева свыше 1 дес. на едока. Таким образом, принципиальные отличия нового издания ЕСХН заключались в переходе к принципу прогрессивности обложения внутривозрастных доходов (в 1923/24 г. каждое отдельное хозяйство облагалось по единой ставке) и снижению глубины налоговой прогрессии. Данные новации были призваны минимизировать фискальные ограничители для поступательного развития крестьянского хозяйства.

Девять разрядов и три ставки обложения в качестве строк и столбцов соответственно компоновали порегиональные таблицы исчисления суммы налога, подлежащего уплате крестьянским хозяйством. Пример подобной таблицы, установленной для вышеуказанных губерний Сибири, приведен в примечании¹¹.

ЕСХН не платили хозяйства, в составе которых отсутствовали взрослые трудоспособные члены, если они засеивали до 0,75 дес. на едока и имели не более 2-х голов скота облагаемого возраста, а также дворы без облагаемого скота при условии, если площадь посева у них не превышала 0,5 дес. на члена семьи. Скидку в 50% от налоговой суммы получали хозяйства без рабочего скота с посевом не более 0,5 дес. посева на едока. Кроме того, губисполкомы могли полностью или частично освобождать от обложения иные категории «наиболее маломощных» крестьянских дворов. При этом сумма предоставляемых подобным дворам скидок не должна была превышать 6,5% от общих размеров налога.

От обложения освобождались хозяйства переселенцев, а также ранее не используемые мелиорированные земли, животные-производители, племенной скот, предназначенные для сбора семян посевы трав, корнеплодов и «улучшенных» сортов других сельскохозяйственных растений, общественные запашки и кормовые угодья. Право на налоговые льготы имели семьи, в состав которых входили военнослужащие, инвалиды гражданской войны, коллективные и кооперативные хозяйства, крестьяне, пострадавшие от стихийных бедствий. В августе 1924 г. СНК СССР разверстал по регионам дополнительные суммы скидок с оклада ЕСХН, которые предназначались для «поощрения» животноводства¹².

Отмена для Сибири принципа удвоения учетных единиц обложения, а также некоторое сокращение глубины налоговой прогрессии привели к снижению оклада ЕСХН. В 1923/24 г. сибирские крестьяне, по официальным данным, затратили на уплату сельхозналога 21,9 млн руб. (табл. 1). Его размеры на 1924/25 г., рассчитанные по новым правилам, должны были составить 17,5 млн руб.¹³

Таблица 1

Динамика выплат по сельскохозяйственному налогу
в 1923/24—1928/29 гг., млн руб.*

Окладной год	СССР	Сибирь
1923/24	231,0	21,9**
1924/25	326,2	24,8
1925/26	251,7	16,8
1926/27	357,9	24,2
1927/28	375,0	22,2
1928/29	400,0	34,7

*Источники: Стат. справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 570; Жизнь Сибири. 1924. № 5–6. С. 59; Отчетные данные о деятельности финорганов Сибири за 1923–24 и 1924–25 гг. Новониколаевск, 1925. С. 13; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 171.

**Натуральная часть поступившего налога переведена в денежную в соответствии с действующими эквивалентами пересчета.

Однако только окладом ЕСХН обязательства сельских жителей перед государством не ограничились. Исчисленную сумму сельхозналога существенно увеличивала предусмотренная положением о его проведении процентная надбавка, которая оставалась в

распоряжении губернских, уездных и районных исполкомов и предназначалась для финансирования т.н. местных нужд. Первоначально надбавка для Сибири была установлена в размере 35% к окладу ЕСХН. Но руководство региона настояло на ее увеличении до 38%¹⁴. В 1923/24 г. расходы на местные нужды покрывались за счет специальных отчислений с общей суммы взимаемого сельхозналога, а также упраздненного в связи с введением надбавки волостного сбора. При этом отмененный сбор был существенно ниже введенной надбавки. По данным бюджетного обследования 1923/24 г., в структуре налоговых платежей крестьянского хозяйства в Сибири, средняя сумма которых составляла 31,8 руб., на долю ЕСХН приходилось 91%, а на долю волсбора – 6%. Еще 3% добавляли прочие налоги – сельское самообложение, рыночные сборы, налог на промышленные сады и огороды¹⁵. В итоге размеры налоговых выплат в крестьянском бюджете 1924/25 г. увеличились и достигли 35,3 руб.¹⁶

Высокий уровень налогообложения деревни, завышенные цены на промтовары при крайне низких закупочных ценах на сельхозпродукты, преобладание административных методов воздействия на сельское население привели к обострению противоречий между большевистским режимом и крестьянством. С тем чтобы минимизировать эти противоречия, лидеры правящей партии корректируют ее аграрную политику. В рамках осуществления «нового курса» РКП(б) в отношении деревни ЦИК принимает решение существенно уменьшить размеры ЕСХН¹⁷.

Данная директива Верховной власти была выполнена. Сибирские крестьяне внесли в 1925/26 г. в счет сельхозналога сумму в 1,5 раза меньшую, чем в предыдущем (см. табл. 1). При этом базовые принципы обложения крестьянских хозяйств ЕСХН в новом окладном году остались прежними¹⁸. Налог стал меньше, главным образом, за счет отмены процентной надбавки на местные нужды¹⁹. Кроме того, снизились коэффициенты пересчета сенокосов и поголовья скота в условный посев²⁰; с полутора до двух лет увеличился облагаемый возраст КРС. Изменения коснулись также таблиц исчисления ЕСХН. Во-первых, они разрабатывались не для регионов в целом, а для отдельных губерний. Во-вторых, в них предусматривались более низкие размеры обложения в рамках двух первых ставок прогрессивного обложения при одновременном увеличении третьей ставки. Установленная для Омской губернии таблица исчисления приведена в примечании²¹.

Бедноты касалась еще одна новация. Положение о ЕСХН на 1925/26 г. предусматривало введение т.н. необлагаемого минимума,

который составлял в Алтайской, Новониколаевской и Омской губерниях 0,75 дес., в Томской, Иркутской и Енисейской губерниях – 0,5 дес. условного посева на едока. От обложения освобождались крестьянские дворы, размер условного посева в которых не превышал указанного минимума при условии отсутствия в них облагаемого скота и/или трудоспособных членов. Пятидесятипроцентная скидка предоставлялась хозяйствам с необлагаемым минимумом и без рабочего скота.

Либерализация аграрной политики Коммунистической партии оказалась кратковременной. И уже со следующего года лидеры правящего режима приступили к увеличению объемов изъятия земельной ренты. В Сибирском крае в 1926/27 г. общие размеры ЕСХН увеличились по сравнению с 1925/26 г. почти в полтора раза (см. табл. 1). Большую часть прибавки государство переложило на более состоятельные слои крестьянства, включая середняков. Согласно данным бюджетных обследований, в 1925/26 г. в Сибири с одного хозяйства, относимого к категории «пролетарских и полупролетарских» (бедняцких), взималось в среднем 1,7 руб. налога, «простых товаропроизводителей» (средняцких) – 21,7 руб., «мелких капиталистических» (зажиточных) – 45,6 руб., в 1926/27 г. – соответственно 3,2, 33,3 и 97 руб. При этом удельный вес «мелкокапиталистических» дворов в общей сумме налоговых выплат увеличился с 27 до 52%²².

Существенный рост налоговой прогрессии был вызван радикальным реформированием принципов исчисления сельхозналога. Положением о едином сельскохозяйственном налоге на 1926/27 г.²³ предусматривалось обложение доходов не только от земли и скота, как было ранее, но и от т.н. специальных отраслей сельского хозяйства (выращивание технических культур, огородничество, садоводство, разведение мелкого скота) и неземледельческих заработков, которые были более развиты в крупных хозяйствах. Размер налога теперь зависел от уровня совокупного годового дохода хозяйства в расчете на одного едока и исчислялся по прогрессивной шкале ставок (для Сибири на 1926/27 г. была установлена особая шкала ставок²⁴).

Облагаемый годовой доход рассчитывался по установленным для сельского района в целом нормам вмененной доходности отдельных объектов обложения (посевов зерновых и технических культур, овощей и бахчевых, площадей плодоносящих садов и ягодников, используемых сенокосов, поголовья рабочего, крупного рогатого²⁵ и мелкого скота, количества пчелиных ульев). К уплате сельхозналога не привлекались крестьянские хозяйства, в которых сумма облагаемого дохода от

сельского хозяйства не превышала установленный для данного региона необлагаемый минимум годового дохода²⁶.

Первоначально для Сибирского края были приняты следующие нормы доходности на 1926/27 г.: с одной десятины посева зерновых – 40 руб., огородных и бахчевых культур – 100 руб. (посевы остальных культур по нормам доходности приравнивались к зерновым), заливных сенокосов – 15 руб., незаливных сенокосов – 10 руб., с одной головы КРС и рабочей лошади – 16 руб., свиньи – 4 руб., овцы или козы – 1,5 руб., рамочного улья – 5 руб., колодного улья – 2 руб.²⁷ Однако массовое недовольство сибирских крестьян существенным увеличением налога вынудило власти пойти на снижение норм доходности зерновых, заливных и незаливных сенокосов, рабочего и крупного рогатого скота, овец и коз соответственно до 38, 12, 8, 15 и 1,2 руб.²⁸

В налогооблагаемую базу должна была также включаться фиксированная доля полученной крестьянами заработной платы²⁹. Что же касается доходов от кустарных ремесел и промыслов, то законодатель первоначально отказался от изложения схемы их включения в облагаемую базу, возложив ее разработку на местные органы власти. Последние решали поставленную задачу двумя возможными способами: либо принимали фиксированную долю включения подобных доходов в облагаемую базу, либо устанавливали нормы вмененной доходности. С тем чтобы преодолеть разнобой, в Центре была разработана унифицированная методика учета доходов от кустарных ремесел и промыслов. Подробная инструкция по этому поводу поступила на места лишь во второй половине сентября 1926 г.³⁰ К этому времени в Сибири уже завершался учет подобных доходов по собственной схеме³¹, и поэтому крайфинотдел решил не переходить на общесоюзную³².

В 1927/28 г. система обложения крестьянских хозяйств по совокупному годовому доходу осталась неизменной. Тем не менее новое Положение о ЕСХН³³ и постановление СНК РСФСР³⁴ о его проведении предусматривали ряд изменений и дополнений. СНК союзных республик обязывались определить долю включения в налогооблагаемую базу доходов от неземледельческих занятий³⁵. Учету подлежали заработки, полученные от всех типов сельскохозяйственных машин (в предыдущем году в Сибири облагались только молотилки). Последнее решение было призвано увеличить обложение зажиточных хозяйств.

Модифицировался необлагаемый минимум, уровень которого теперь устанавливался в зависимости от количества членов семьи³⁶.

Предусматривались скидки для малолюдных хозяйств³⁷. Региональные органы власти обязывались создать фонд для финансирования полного или частичного освобождения от уплаты ЕСХН отдельных «маломощных» дворов с доходом, превышающим необлагаемый, и довести общее количество освобожденной от налога бедноты до 35% от общего числа крестьянских хозяйств³⁸. В Сибирском крае число дворов, не уплачивающих ЕСХН или пользующихся иными налоговыми льготами, выросло с 360,1 тыс. (26,8% от их общего числа) в 1926/27 г. до 483,7 тыс. в 1927/28 г. (34,9%). При этом сумма сложного налога увеличилась с 958,6 до 1423,9 тыс. руб.³⁹

Кроме того, Сибирь переходила с особой на общесоюзную шкалу определения ставок подоходного обложения, в которой предусматривались более низкие ставки для первых пяти ступеней⁴⁰. Для региона были снижены нормы вмененной доходности зерновых и крупного рогатого скота⁴¹.

Увеличение числа крестьянских хозяйств, освобожденных от уплаты налога, в сочетании с уменьшением ставок обложения и норм вмененной доходности базовых отраслей сельхозпроизводства привело к некоторому сокращению тяжести обложения сибирского крестьянства. Общая сумма ЕСХН в регионе в 1927/28 г. уменьшилась по сравнению с предыдущим на 8% (см. табл. 1).

Весной 1928 г. была проведена очередная реформа единого сельскохозяйственного налога⁴². С 1928/29 окладного года в РСФСР он стал определяться по доходу, приходящемуся на единоличное хозяйство в целом, а не на каждого входящего в него едока⁴³. При этом из годового облагаемого дохода вычиталось по 20 руб. на каждого члена семьи. Нововведение привело к увеличению платежей многолюдными крестьянскими хозяйствами, которые, как правило, были более зажиточными.

Однако на этом утяжеляющие налоговый пресс новации для относительно состоятельных жителей деревни не закончились. Возрастала «крутизна» прогрессии шкалы ставок⁴⁴. Для единоличных хозяйств с относительно высоким уровнем доходности сельскохозяйственного производства (в Сибирском крае – 400 руб. и более) устанавливались процентные надбавки (от 5 до 25%) к сумме облагаемого годового дохода, исчисленного по нормам вмененной доходности от натуральных объектов обложения⁴⁵. Доходы, полученные жителями деревни от сдачи в наем сельскохозяйственных машин (кроме сеялок), «промышленных» или «полупромышленных» предприятий, «а также и от других видов заработков нетрудового

характера»*, облагались полностью. Увеличивалась доля включения в годовой облагаемый доход заработков, полученных крестьянами от кустарно-ремесленных занятий⁴⁶. К обложению привлекались ранее освобожденные от него посеvy сеяных трав и кормовых корнеплодов, которые, как правило, беднота не выращивала.

И наконец, с 1928/29 финансового года в облагаемую базу хозяйств, *«особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и при том нетрудовым характером своих доходов»*, стали включаться все зафиксированные заработки⁴⁷. Определение налога от всей совокупности доходов, несколько позднее получившее название индивидуального обложения, приводило к существенному возрастанию податного бремени для хозяйств, к которым оно применялось. Если на один крестьянский двор, облагаемый в обычном порядке, в 1928/29 г. в Сибирском крае в среднем приходилось 27 руб. сельхозналога, то на облагаемый индивидуально – 287 руб. Это в три раза превышало сумму, взысканную с этих же хозяйств в предыдущем году⁴⁸. Всего в регионе в 1928/29 г. индивидуальное обложение применили к 24,1 тыс. крестьянским дворам, или к 1,6% от их общего количества⁴⁹.

Противоположную политику государство проводило в отношении бедноты, подняв для нее необлагаемый минимум⁵⁰. В Сибирском крае число крестьянских дворов, полностью или частично освобожденных от уплаты ЕСХН, выросло до 556,3 тыс. и составило 38,2% от их общего количества⁵¹.

Однако увеличение количества необлагаемых хозяйств к снижению тяжести обложения деревни в целом не привело. Результатом перехода на похозяйственный принцип обложения в сочетании с введением процентных надбавок, ростом налоговой прогрессии, увеличением норм доходности⁵² и доли отчуждения несельскохозяйственных заработков стал резкий скачок размеров ЕСХН. В некоторых районах Сибири сумма исчисленного налога в 1,7, 1,8 и даже в 2 раза превышала прошлогоднюю⁵³. Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах страны⁵⁴.

С тем чтобы предотвратить всплеск массового недовольства со стороны крестьянства, режим пошел на попятную. 11 сентября СНК СССР установил предельные размеры повышения ЕСХН. В губерниях и округах его сумма не должна была более, чем на 50%, превысить

* Здесь и далее курсивом выделены цитаты из документов. При этом все языковые погрешности и стилевые особенности цитируемого текста передаются дословно, без исправлений и перевода на современное правописание. — В.И.

уровень 1927/28 г. При этом для отдельных районов допускалось шестидесяти-, а для отдельных сел – семидесятипроцентное увеличение⁵⁵. Кроме того, перед местными органами была поставлена задача провести массовое сокращение числа крестьянских хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке. В Славгородском округе число таковых снизилось с 8 091 до 4 721, в Каменском – с 2 076 до 845⁵⁶.

Тем не менее общая сумма платежей по ЕСХН в Сибирском крае в 1928/29 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 56% (см. табл. 1). Большая часть прибавки была возложена на зажиточных крестьян. По нашим подсчетам, основанным на данных заместителя наркома финансов СССР М.И. Фрумкина⁵⁷, в целом по СССР объем платежей по налогу 12,4% крестьянских дворов, расположенных на верхних ступенях социально-имущественной лестницы, по сравнению с предыдущим увеличился почти вдвое, а у 52,6% менее состоятельных хозяйств, но не освобожденных от его уплаты, – на 15%.

Изменяя порядок исчисления сельхозналога на 1928/29 г., советское государство прежде всего решало две взаимосвязанные экономические задачи. Возросшие объемы изъятия денежных средств из деревни, во-первых, создавали финансовую базу для наращивания темпов индустриализации, а во-вторых, должны были стимулировать крестьян к реализации произведенной ими продукции.

Содержание реформирования системы ЕСХН на следующий, 1929/30 г. определялось не экономическими, а политическими приоритетами. Затягивание фискальной петли должно было разорить хозяйства наиболее зажиточных жителей деревни, а налоговые послабления середнякам – облегчить возможности манипулирования их поведением⁵⁸.

*

*

*

Обратимся теперь к анализу протестных форм поведения крестьянства. Каждый крестьянин стремился уменьшить обложение своего хозяйства. В связи с этим возникало противоречие между крестьянством в целом и государством. Однако государство все более и более снимало это противоречие применительно к бедноте, освобождая с каждым годом все большую ее часть от уплаты налогов и сборов. Напротив, росли противоречия между государством и зажиточными крестьянами, налоги с которых все увеличивались. Отношение средних слоев деревни к советской власти также зависело от динамики их обложения.

Те сельские жители, которые были недовольны фискальной политикой советского государства, прежде всего выражали устный протест против нее. В разговорах с односельчанами и представителями власти, на сельских сходах и других собраниях они критиковали тяжесть налога или порядок его раскладки. Вот типичные примеры подобной критики, которая воспринималась властями как антиналоговая агитация. *«Налог нынче очень большой, власть делает хитро, а крестьянство не замечает. Налог с крестьянства берется прямым и косвенным порядком и идет на улучшение жизни рабочего, который организован, а крестьянство не организовано, поэтому с него тянут все соки».* *«Лучше бы брали налог с надельной десятины, а то нам мало остается. Так как мы берем землю у бедняков, за что им платим – значит выходит два налога».* *«Советская власть делает неправильно и плохо, освобождая бедняков – шантрапу от налога, весь налог сваливает на середняков, а они отдуваются».* *«Как хороший хозяин, так обязательно надо, чтобы голодранцем был»*⁵⁹.

В ряде случаев сельские жители из своего недовольства налоговой политикой государства делали более радикальные выводы. Так, зажиточный крестьянин Распопин из с. Перфильевского Иркутской губернии заявил: *«Неправильная налоговая политика советской власти – одни высвобождаются, на других валят, поэтому мы вынуждены утаивать. Советская власть одинаковую раскладку не сделает, ее нужно заставить!».* Неуказанный житель с. Сулово Мамонтовского района Алтайской губернии: *«Всем мужикам упереться и не платить налог, тогда правительство чего-нибудь надумает»*⁶⁰.

Интенсивность антиналоговой агитации в деревне особенно возрастала после изменения порядка налогообложения в сторону его повышения. Так, во многих информационных и аналитических документах окружных и краевых органов власти зафиксировано активное неприятие значительной частью сибирского крестьянства нововведений, предусмотренных положением о ЕСХН на 1926/27 г., – обложением несельскохозяйственных доходов, величиной норм вмененной доходности. Касаясь последних, крестьянин-середняк из пос. Покровского Купинского района Барабинского округа И.Т. Устешко говорил: *«Сельхозналог для середняков и зажиточных тяжел несправедливо. Прошлый год я платил налогу 14 р[уб]., нонче при таком же посеве в хозяйстве с меня причитается 70 рублей. В сибирских условиях [на] десятину посева нужно в среднем доходность считать 25–30 р[уб]., а не 40, а с сенокосов совсем брать не нужно, т.к. от него дохода нет, сено употребляется в корм для скотины. Это*

неправильно и с нас взимается с[ель]х[оз]налог в два раза больше, чем следует»⁶¹. Недовольство сибирских крестьян утяжелением налогообложения приняло настолько широкие масштабы, что сибирские власти добились от Центра снижения для региона норм временной доходности (см. выше).

Однако крестьяне не только критиковали сельскохозяйственный налог, но и прибегали к действиям, которые существенно затрудняли его сбор. Размеры ЕСХН устанавливались на основе количественных параметров хозяйств, объявляемых самим его владельцем в сельсовете. Это создавало реальный соблазн приуменьшить размеры своего хозяйства и тем самым снизить тяжесть его обложения. Так, отнесенный в разряд «крепких» середняков житель с. Родино Славгородского округа Китц говорил: *«Записал я 7 десятин, ну а по посеву было десятин 10–11. Записывали добровольно, ну а кто же сам себе враг?»*. Крестьяне из того же села на вопрос членов комиссии крайкома ВКП(б) по обследованию деревни об укрытии объектов обложения отвечали: *«Без обману, видно, не проживешь, есть грех – не все записали»⁶²*.

В той или иной мере от налогового учета утаивались все объекты обложения без исключения. Но чаще всего скрывался посев. Этому способствовала специфика крестьянского землепользования в Сибири – его сохранившийся на части территории региона вольно-захватный характер⁶³, связанная с многодворностью сибирских деревень удаленность многих земельных наделов в степной и лесостепной зоне, наличие еще более отдаленных заимок в подтаежной и таежной зоне. Все это затрудняло проверку правильности показаний крестьян. Тем более, что некоторые из них имели землю на территории соседних сельсоветов, районов и даже регионов. Так, например, жители пос. Дмитриевка Славгородского района одноименного округа объясняли низкий уровень выявления у них посева тем, что они *«сеяли на землях киргиз Павлодарского уезда»*, т.е. на территории Казахстана. Уполномоченный Наркомфина по региону в направленной в начале 1924 г. докладной записке в наркомат указывал на то, что посев *«чрезвычайно текучий, в условиях Сибири легко укрываемый объект»*. Данный вывод, в частности, подтвердил житель с. Утянки Ново-Алексеевского района Славгородского округа Здобников: *«Напрасно сов[етская] власть обмеряет наши посева, пускай представители Рика выезжают хоть 10 раз, все равно им ничего не сделать. Мы так скроем, что сам черт не найдет»⁶⁴*. Вышеперечисленные причины облегчали для сибирских крестьян и укрытие от обложения сенокосов.

В то же время выявить площадь использованного сенокоса для властей было еще сложнее, чем полевой посев.

Достаточно трудно было контролировать и количество скота в районах отгонного скотоводства. Отсюда относительно большой процент его утайки в Ойротии и Хакасии. Распространенным способом сокрытия скота являлись заявления о том, что он еще не достиг облагаемого возраста. Тем более, что рабочий скот и коровы облагались только в том случае, если они достигли его на установленный в законодательстве день⁶⁵. Естественно, что у многих крестьян возникал соблазн, лишь несколько занизив возраст животных, уйти от их обложения. При этом уличить хозяина во лжи было весьма сложно. Не менее простым делом была проверка показаний налогоплательщика о величине его доходов несельскохозяйственного характера.

Факты укрытия объектов обложения местные и региональные власти фиксировали в течение всех без исключения учетных кампаний исследуемого периода и считали их явлением практически неизбежным. Осенью 1924 г. заведующий Енисейского губфинотдела сообщал своему руководству в Новониколаевск: *«В начале работ по выявлению объектов обложения наблюдалась определенная тенденция населения к укрытию таковых. Так, по некоторым селениям сокрытие посевов и скота достигало до 40%»*. В докладной записке Омского окрфинотдела в крайфинотдел от 30 сентября 1926 г. указывалось, что *«укрытие объектов, как обычное явление в практике налогового обложения деревни, имело, естественно, место в законченной кампании»*. В информационно-политическую сводку Омского окружкома ВКП(б), составленную в конце лета 1927 г., была включена следующая информация Полтавского райкома: *«Укрытие посева в районе сильное. Имеется ряд селений, где укрыто на 80% всей посевной площади»*⁶⁶.

Некоторые крестьяне не только утаивали истинные размеры своего хозяйства от фискальных органов, но и призывали сделать то же самое своих односельчан. Так, названный в информационной сводке Иркутского губотдела ОГПУ от 1 октября 1924 г. кулаком житель Зиминской волости Калинин *«настойчиво агитировал среди массы крестьянства, что крестьянам показать весь имеющийся посев нельзя, потому что если не укрыть от государства, то крестьянину будет очень трудно платить налог, и всеми мерами старался доказать, что сов[етская] власть на крестьянина не обращает внимания, а поэтому не стоит к ней относиться добросовестно»*⁶⁷.

Базовая причина сокрытия объектов обложения указана выше – стремление снизить тяжесть обложения своего хозяйства. В то же время на масштабы сокрытия могли оказывать влияние и другие факторы. К их увеличению мог привести рост размеров налога по сравнению с предыдущим годом, неблагоприятные виды на урожай, внешне- и внутривластные факторы. В 1925 г. в рамках осуществления курса партии «Лицом к деревне» в сторону либерализации была реформирована система наказаний нарушителей налогового законодательства. По сведениям уполномоченного Наркомфина по Сибири, это лишило фискальные органы эффективных мер воздействия на крестьян и, в свою очередь, привело к увеличению числа укрывателей. *«В этом году борьба с укрывательством была совершенно парализована, благодаря неурегулированности вопроса о порядке применения к укрывателям мер взыскания. Административные меры были отменены, применение же судебного порядка репрессий находилось настолько в неопределенном положении, что нарсуды отказывались от приема к судебному разбирательству дел об укрывателях, совершивших проступки в 1-й раз (а таких было большинство)»*⁶⁸.

Кроме того, в результате проведенных зимой 1925 г. в рамках «нового курса» относительно демократических выборов в сельские советы к их руководству пришли более состоятельные крестьяне, которые не только не стремились найти укрывателей, но и сами угаивали истинные размеры своего хозяйства. Впрочем, недостаточная активность председателей сельсоветов и членов сельских учетных комиссий в выявлении объектов обложения, укрытие ими таковых, а также факты подкупа деревенских функционеров со стороны односельчан (от совместного распития самогона до дачи взяток) фиксировались вышестоящими органами не только в 1925 г. Так, в составленной в начале сентября 1927 г. информационно-политической сводке Славгородского окрисполкома указывалось на то, что основной причиной недостаточно полного выявления объектов обложения является *«несознательный подход к работе, а подчас и злостное стремление состава налоговой комиссии к сокрытию злостных укрывателей объектов обложения»*⁶⁹.

В 1927 г. к увеличению масштабов утайки привело осложнение международного положения СССР, в связи с которым в стране была проведена широкая пропагандистская кампания, призванная показать единство советского народа и его готовность противостоять внешней угрозе. При этом часть сельских жителей, воспринявших угрозу войны как вполне реальную и близкую, эта кампания спровоцировала на

утаивание истинных размеров своих хозяйств. В информационно-политической сводке Бийского окрисполкома сообщалось, что крестьяне оправдывают свое поведение *«необходимостью сохранить свое хозяйство на случай войны с Англией и капиталистическими державами вообще, с которыми, по провокационным слухам, война, якобы, уже началась»*⁷⁰.

В утайке истинных размеров своего хозяйства от учета принимали участие все социально-имущественные группы сельских налогоплательщиков. В датируемой 22 августа 1927 г. информационно-политической сводке Омского окружкома ВКП(б) сообщалось о том, что *«во всех поступающих материалах указывается на наличие укрытия объектов обложения как среди зажиточной части, так и среди середняков и бедноты»*. Заведующий крайфинотделом в своем докладе на бюро Сибкрайкома ВКП(б) 20 сентября того же года указывал на факты сокрытия объектов со стороны не только рядовых селян, но и членов и председателей сельсоветов, коммунистов и комсомольцев. В докладной записке учетно-осведомительного отдела полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибирскому краю от 20 июля 1929 г. констатировалось, что *«укрытие практикуется в довольно значительных размерах, причем в укрытии объектов замечены не только кулацко-зжиточные элементы, но и середняки и в незначительном числе бедняки»*⁷¹.

В то же время масштабы участия отдельных групп сельского населения в утайке части своего имущества были разными. Естественно, что более высокий размер сокрытия объектов обложения приходился на среднестатистическое зажиточное хозяйство. Вышеупомянутый крестьянин из Родино Китц по этому поводу говорил: *«Кто побольше посеял, тот побольше и скрыл»*⁷². При обследовании в 1927 г. Родинского района было выявлено, что доля скрытых объектов обложения по хозяйствам, отнесенным к «зжиточно-кулацкой» группе, составляла не менее 50%, по хозяйствам «крепких» середняков – 35, по середняцким хозяйствам в целом – 15–20%⁷³. В том же году сотрудники крайфинотдела провели обследование одного из сел Барабинского округа, в результате которого установили, что посев от обложения скрывало 93% хозяйств, засевающих свыше 10 дес. (доля укрытого посева по этой группе составляла около 20% от фактически засеянного), 75% хозяйств с посевом от 8 до 10 дес. (12%), 40% хозяйств, засевающих от 4 до 8 дес. (около 7%), 9% хозяйств с посевом от 1 до 4 дес. (менее 2%)⁷⁴. Тем не менее, несмотря на то, что зажиточное хозяйство в среднем скрывало от государства больше посева, более высокая доля в общей площади

скрытого посева приходилась на более многочисленное среднее крестьянство.

Для предотвращения сокрытия объектов обложения и их более полного выявления применялись различные меры. Прежде всего, проводилась агитационная кампания, в ходе которой крестьян призывали не утаивать истинные размеры их хозяйств. Списки с данными о размерах хозяйств, которые сообщались их владельцами, оглашались на сельских сходах или вывешивались в сельсоветах. Усмотревшие несоответствие между заявленными и реальными сведениями односельчане могли сообщить об этом в сельсовет.

После окончания учетной кампании финансовые органы в обязательном порядке проводили выборочную проверку показаний налогоплательщиков в отдельных селениях, число хозяйств в которых должно было составлять не менее 1% от их общего количества в губернии или округе. В том случае, если результаты учета вызывали сомнение, масштабы проверки увеличивались вплоть до сплошной. Параллельно с переучетом объявлялись недели или декады «добровольного довыявления». Крестьяне, которые в это время сообщали о ранее скрытых ими объектах обложения, освобождались от предусмотренного законодательством наказания.

Выборочная проверка касалась, в первую очередь, зажиточных хозяйств, т.е. имела т.н. классовый характер. Массовый переучет осуществлялся в масштабах сельсоветов, волостей, районов и даже уездов. Так, в 1924 г. налоговые органы Иркутской губернии провели переучет практически во всех крестьянских хозяйствах Верхотурского уезда, в ходе которого дополнительно выявили 3,4 тыс. дес. посева, 1,3 тыс. дес. сенокоса и 2,2 тыс. голов скота, что увеличило результаты учета соответственно на 11%, 7 и 5%. Как правило, следствием переучета и последующего применения репрессий к выявленным укрывателям являлось добровольное выявление скрытых объектов обложения. В июле 1927 г. в Хабаровском сельсовете Славгородского округа произвели проверку показаний четырех зажиточных хозяйств, после чего добровольно заявили о скрытых объектах еще 139 дворохозяев. Всего было довыявлено 660 дес. посева. В 1924 г. в Тулунском уезде в ходе кампании по проверке результатов учета в окладные листы дополнительно включили 9,5 тыс. дес. посева. (12,5% от общей посевной площади). Более 5,7 тыс. дес. из них было выявлено в ходе проведенного финорганами обмера, а еще о 3,7 тыс. ранее скрытых десятинах сообщили сами крестьяне⁷⁵.

К массовому переучету власти прибегали в случае существенного расхождения результатов первичного выявления объектов обложения с

данными статистических органов⁷⁶. При этом, согласно существующим правилам, сообщаемые в уезды и районы данные статорганов о зафиксированном ими приросте посевных площадей или поголовья скота не должны были иметь характер контрольного задания по их выявлению и доводиться в качестве таковых до сельсовета. Однако на местах эти правила иногда игнорировались. Так, например, в 1927 г. председатель Исиль-Кульского райисполкома Бирюков, зафиксировав расхождение итогов первичного учета и данных статорганов по с. Лебяжье и *«не желая возиться с обмером, созвал собрание граждан, на котором потребовал записи в объекты 150 десятин, по мнению Бирюкова, скрытых лебяжинцами, говоря: «Мне хоть роди, а отдай 150 десятин». Собрание приняло это предложение и разложило эти 150 десятин поровну, вне зависимости, бедняк он или кулак, скрывал ли он или не скрывал, а плати»*⁷⁷.

Во второй половине 1920-х гг. все шире и шире в осуществление налогового учета стали вовлекаться бедняки, которых активно призывали доносить о фактах утайки объектов обложения со стороны своих более состоятельных соседей. С этой целью в деревнях проводились бедняцкие собрания, на которых выбирались кандидаты в сельские учетные комиссии и рассматривались ход и итоги учетной кампании. В постановлении бюро Сибкрайкома от 8 марта 1927 г. об итогах сельхозналоговой кампании утверждалось, что повышение облагаемой посевной площади в 1926/27 окладном году по сравнению с 1925/26 г. на 26% явилось результатом улучшения организации учета и активного участия в нем бедноты⁷⁸.

Участие бедноты в выявлении объектов обложения вызывало крайне негативную реакцию укрывателей. Примером подобной реакции может служить следующая цитата из информационно-политической сводки Бийского окрисполкома от 19 августа 1927 г.: *«В Сычевском районе, в помещении Сычевского сельсовета при выявлении доходности гр[аждани]на Кайгородова (зажиточный), который заявил, что он, кроме посева, никаких доходов не имеет, стоявший рядом с ним Жудин (бедняк) заявил, что Кайгородов своими машинами зарабатывает со стороны и перечислил ряд фактов. На вопрос, сколько Кайгородов заработал на извозничестве, последний заявил, что нисколько. Тогда Жудин заявил, что Кайгородов ездил 10 раз в город. Бывшие здесь зажиточные все набросились на Жудина и начали кричать, что тебе-то какое дело. С особенной грубостью набросился Тырышкин (кулак), после чего Жудину пришлось уйти из сельсовета»*⁷⁹. Имелись случаи избиений, поджогов хлебов, хозяйственных построек и даже убийств бедняков-активистов.

Достаточно сильным раздражителем для жителей деревни являлась и сама практика проверки их показаний. Летом 1927 г. в пос. Богословка Андреевского района на заседании сельской налоговой комиссии ее член Журнаклеев, названный в источнике середняком, заявил: *«Почему Вы не хотите верить добровольной записи крестьянина, а считаете, что он укрыв. Вы этим оскорбляете его. Дураки крестьяне, плевали бы они на вас, если бы на месте действовали бы организованно, то Рик ни черта не выявил бы даже при обмере»*⁸⁰.

В общей сложности переучет давал достаточно весомую прибавку в государственный бюджет. В 1924 г. в Иркутской губернии довыявили 22,5 тыс. дес. посева и 17,5 тыс. дес. сенокоса (соответственно 8,3 и 9,9% к окончательно учтенной площади). В 1925 г. первичный учет в Славгородском округе зафиксировал 22-процентное снижение посевной площади по сравнению с предыдущим годом. По итогам же проведенной проверки результаты 1924 г. были превышены на 3%. В 1926 г. в Омском округе скрытые объекты обложения обнаружили в 8 050 крестьянских хозяйствах (6,7% от их общего числа), на которые затем было дополнительно начислено 147 499 руб. налога (8,7% от его общей суммы в целом по округу)⁸¹.

Крестьяне, сообщающие неполные сведения о размерах своих хозяйств, привлекались к уголовной и административной ответственности. В Томском округе в 1925 г. под суд было отдано 82 чел., в 1926 г. – 144, в 1927 г. – 253 чел. Летом 1927 г. в Канском округе было возбуждено 1 224 судебных дела по укрыванию объектов обложения. При этом репрессалии касались, в первую очередь, зажиточных селян. Так, в 1924 г. в Алтайской губернии за укрывание объектов обложения под суд отдали 21 середняка и 441 зажиточного крестьянина, в Новониколаевской губернии – 2 бедняков, 67 середняков и 786 зажиточных⁸².

В мае 1928 г. Сибкрайисполком предложил окрисполкомам принять превентивные меры предотвращения утайки объектов обложения. С этой целью предлагалось еще до начала учетной кампании выявить и *«при наличии материалов о явном укрывании объектов»* в срочном порядке оштрафовать в каждом районе по 10–15 кулацких хозяйств, *«для того чтобы эти штрафы могли служить предупреждением для основной массы плательщиков, особенно кулацких»*⁸³. Для того чтобы усилить «воспитательный» эффект судебных решений и сломить сопротивление крестьянства, практиковались выездные сессии суда, устраивались показательные процессы, следствие проводилось в ускоренном порядке, а судебное заседание назначалось вне очереди.

В дисциплинарном и уголовном порядке преследовались сельские функционеры, которые допускали массовое укрытие объектов обложения со стороны крестьян. В 1926 г. в Ачинском округе было осуждено 5 председателей и 9 членов сельсоветов, 1 член райисполкома, 25 членов учетных комиссий⁸⁴. Давление на местные власти нередко провоцировало их на превышение своих полномочий или незаконные действия в отношении крестьян («перегибы»), масштабы которых особенно возросли в конце 1920-х гг. Так, летом 1928 г., в ответ на вышеупомянутый приказ крайисполкома оштрафовать по 10–15 кулацких хозяйств на район, местные власти увеличивали число таковых до 40–75 и даже 100, не ограничивались кулаками, налагали штрафы, превышающие доходность налогоплательщиков, за укрытие четверти десятины посева осуществляли продажу с торгов машин, рабочего и продуктивного скота на сумму, в несколько раз превышающую размер начисленного штрафа. В том же году члены учетной комиссии Дубровинского сельсовета Завьяловского района *«допускали грубые обращения с населением и за отказ увеличения посева[ной] площади лишали граждан свободы, т.е. сажали в амбар, незаконно приписывали посева[ную] площадь – без согласия приписывалось от 1 до 7 десятин»*⁸⁵.

Достаточно произвольно на местах трактовалось и законодательство об индивидуальном обложении. Так, на состоявшемся в апреле 1929 г. в Барнауле окружном финансовом совещании сообщалось о том, что хозяйства облагались индивидуально, поскольку *«хозяйка – дочь бывшего унтер-офицера», «отец 15 лет тому назад был кулаком и сын имеет кулацкий уклон», «хозяйство крепкое середняцкое, но если копнуть поглубже, то кулацкое»*⁸⁶.

Несмотря на все усилия региональных и местных властей, крестьянам удавалось утаить от них часть своего имущества. На это неоднократно указывалось в аналитических документах различных властных структур региона и страны в целом. Так, в справке информотдела ЦК РКП(б) от 3 сентября 1925 г. указывалось на значительный недоучет объектов обложения на Северном Кавказе и в Сибири. В докладе СибРКИ об обследовании сельхозналога сообщается о значительном недоучете неземледельческих заработков летом 1926 г. На бюро Сибкрайкома 20 сентября 1927 г. был констатирован высокий уровень недовыявления несельскохозяйственных доходов во всех округах края и посевных площадей в Кузнецком, Минусинском, Каменском, Барабинском, Тарском и Новосибирском округах⁸⁷.

Косвенным доказательством того, что эти и другие подобные оценки соответствовали действительности, может являться сверхнормативный прирост учтенных объектов обложения на следующий год. Так, в 1924 г. размер учтенного посева в Ачинском уезде Енисейской губернии увеличился по сравнению с 1923 г. на 46%, а в Хакасском – на 112%. При этом в остальных уездах губернии, погодные и конъюнктурные особенности в которых от вышеназванных практически не отличались, прирост посевной площади не превышал 14%. По вполне убедительному мнению специалистов губфинотдела, подобный парадокс объяснялся тем, что в предыдущем году в Ачинском уезде и Хакасии значительная доля посева так и осталась невыявленной. В ходе учетной кампании 1926 г. в Купинском районе посевных площадей было выявлено на 94% больше, чем в предыдущем году, а в ряде сел рост составлял 390%. При этом причиной столь значительного роста на бюро Сибкрайкома от 31 августа 1926 г. называлось массовое сокрытие посева в 1925 г., которому «способствовали» райисполком и, прежде всего, его председатель, избранные на волне «нового» курса. В ходе выборов 1926 г. был избран новый состав райисполкома, который усилил давление на деревню⁸⁸.

Осенью 1928 г. руководители финансовых органов ряда округов края объясняли рост уровня налогообложения деревни, который превышал установленный СНК СССР предел (см. выше), не только изменениями, внесенными в порядок исчисления ЕСХН, но и более полным выявлением объектов обложения. Так, в Ачинском округе неземледельческих заработков было учтено в два раза больше, чем в предыдущем году. Прирост посевной площади в Родинском районе составил 55%⁸⁹.

Помимо сокрытия объектов обложения, крестьяне использовали такие способы снижения налогового бремени, как преувеличение реального количества членов семьи (едоков), запись посева на арендованной земле на арендодателя-бедняка или части хозяйства на родственников, завышение исключаемых из налогооблагаемой базы производственных расходов на осуществление кустарно-промысловой деятельности и др. В 1924 г. Омским губфинотделом было зафиксировано «умышленное» занижение в сообщениях корреспондентов с мест балловой оценки урожайности зерновых, которая влияла на установление разрядов обложения⁹⁰.

Снизить сумму налога позволяли фиктивные разделы двора. В первую очередь к ним прибегали зажиточные хозяйства, которые, как правило, были многосемейными. При этом число фиктивных разделов

увеличивалось по мере возрастания налоговой прогрессии. В направленном в адрес окрисполкомов циркуляре Сибкрайисполкома от 28 июня 1929 г. указывалось: *«За последнее время чрезвычайно усилилось количество фиктивных разделов крестьянских дворов, особенно в зажиточных и кулацких хозяйствах. Целью такого рода разделов является обычно стремление хозяйства уменьшить размер платежей установленных налогов и повинностей, падающих на двор. На самом же деле фиктивно разделенные дворы фактически продолжают составлять одно хозяйственное целое, пользуясь сообща имуществом и землями прежнего двора»*⁹¹. Впрочем, постоянно росло количество не только фиктивных, но и реальных разделов зажиточных дворов⁹².

В исследуемый период в Сибири, как и в стране в целом, были распространены попытки со стороны части крестьянства затянуть сдачу сельхозналога. Его неуплата в срок отрицательно сказывалась как на местном, так и на общегосударственном бюджете, затрудняла финансирование государственных программ развития промышленности и сельского хозяйства. Общая сумма не внесенного в установленные сроки сельхозналога нередко достигала значительных размеров.

В кампанию 1924/25 г. план взимания налога на первый обязательный срок его уплаты (1 ноября 1924 г.) выполнили лишь Алтайская и Новониколаевская губернии. В Омской губернии было собрано 89%, в Томской – 80, в Енисейской – 38, в Иркутской губернии – 34, в Ойротии – 31% законодательно установленной суммы. Задание третьего обязательного срока (15 февраля 1925 г.) западные губернии выполнили на 84%, восточные – на 80%⁹³.

В кампанию 1925/26 г., как указывалось выше, общая сумма ЕСХН по краю составляла 64% от прошлогодней, а первый обязательный срок уплаты, в отличие от кампании 1924/25 г., перенесли с 1 ноября на 1 декабря. Тем не менее задание первого срока было выполнено лишь на 81%. Ко второму сроку (1 февраля 1926 г.) не собрали 24% причитающейся суммы. После того, как срочное задание было сорвано, Сибкрайисполком установил двухнедельный срок для ликвидации недоимки и полного выполнения задания второго срока (75% годовой суммы). Но по 11 округам его не выполнили и к 15 февраля, а по Ачинскому, Томскому, Хакасскому округам, Ойротской автономной области и Иркутской губернии – и к 29 февраля⁹⁴.

В 1926/27 г. первый обязательный срок уплаты ЕСХН (1 ноября 1926 г.) в западных округах Сибирского края был завершен с 18-процентной недоимкой. Задания второго срока (15 декабря) было

выполнено на 90%⁹⁵. «Хлебная стачка» 1927/28 г. также сопровождалась неуплатой сельхозналога в установленные сроки. Недобор первого срока по западным округам (15 ноября 1927 г.) составил 12%, второго срока (1 января 1928 г.) по западу – 9%, по востоку – 14%⁹⁶.

Среди тех, кто не внес налог в сроки, установленные на 1924/25 окладной год, были представлены все социально-имущественные группы деревни, включая бедноту, основной причиной недоимочности которой являлся высокий уровень обложения. Так, по Манскому району Иркутской губернии после наступления второго обязательного срока недоимка числилась за 41% всех уплачивающих сельхозналог бедняков, 64% всех середняков и 52% всех зажиточных крестьян⁹⁷. В последующие годы беднота, которая либо облагалась минимально, либо во все возрастающем количестве от уплаты освобождалась, на выполнение налоговых заданий практически не влияла. В кампанию 1925/26 г., по данным Каменского окрфинотдела, среди неплательщиков первого срока доля середняков составляла 62,8%, а зажиточных – 37,2%. В то же время удельный вес недоимки у последних в общей сумме составлял 63,2%, а у середняков – 36,8%. В числе недоимщиков второго срока середняков было 48,4%, зажиточных – 51,6%⁹⁸.

Неуплата налога в срок средним и зажиточным крестьянством в 1924/25 г. в значительной степени была связана с особенностями хлебозаготовительной кампании. Крестьяне задерживали реализацию хлеба, поскольку были недовольны установленным государством низким уровнем закупочных цен и надеялись на их повышение. А поскольку хлеб был основной продукцией крестьянских хозяйств Сибири, то на момент наступления промежуточных сроков уплаты ЕСХН они не имели для этого необходимых денежных средств. Дождавшись же повышения цен, они могли выполнить свои налоговые обязательства продажей существенно меньшего объема зерна, пустив сэкономленные деньги на удовлетворение собственных нужд. В 1924/25 г. эти ожидания оправдались. В марте 1925 г. пшеницу государственным заготовителям можно было продать в 1,5 раза, а рожь в 1,8 раза дороже, чем в октябре. На рынке цены выросли еще больше⁹⁹. В результате те крестьяне, которые для выполнения первых обязательных сроков уплаты налога продали зерно по низким ценам, оказались в худшем положении, чем их не столь законопослушные соседи.

Естественно, что на следующий (1925/26) год задержка реализации хлеба со стороны зажиточного и среднего крестьянства и связанная с

этим недоимочность имели более массовый характер. В докладе зав. налоговым подотделом Сибкрайфинотдела от 4 февраля 1926 г. сообщалось, что основной причиной невыполнения налогового задания по краю является *«выжидательное настроение»* крестьянства, которое *«придерживает хлеб до повышения цен на него, главным образом на пшеницу. По опыту прежних лет оно надеется на повышение хлебных цен и не верит, что цены на хлеб не будут повышены»*¹⁰⁰. Естественно, что речь шла о позиции середняков и зажиточных селян. Остро нуждавшаяся в деньгах беднота свой хлеб продавала уже осенью.

Падение налоговой дисциплины в 1925/26 г. было также своеобразной реакцией крестьян на проводимый большевистским режимом курс «Лицом к деревне», который был воспринят многими жителями деревни как дозволение Верховной власти действовать в соответствии с собственными интересами. В вышеупомянутом докладе зав. налоговым подотделом по этому поводу писал: *«Политику снижения налога и предоставления широких льгот крестьянство понимает как почти полную свободу в отношении налоговых обязательств: когда хочу, тогда и плачу»*. Примером подобной реакции может послужить приведенное в докладе решение Халдеевского сельсовета Томского округа: *«Платить по силе возможностей, не считаясь со сроками»*¹⁰¹.

В связи с проведением относительно демократичных выборов в сельсоветы достаточно пассивно вели себя их работники, которые *«не желали создания конфликтов особой настойчивостью по отношению к недоимщикам, имеющим зачастую большой авторитет среди крестьян»*¹⁰². К тому же проведенная в рамках «нового курса» либерализация налогового законодательства сделала репрессивные меры воздействия на неплательщиков абсолютно неэффективными. Процедура утверждения описей имущества была весьма сложной и длительной, причем уплата недоимки непосредственно перед торгами освобождала от наказания. В этой связи крестьяне достаточно спокойно относились к описи имущества. Так, имевший значительную недоимку зажиточный крестьянин деревни Федосеевка Томского округа Приходкин заявил представителям власти, пришедшим к нему описывать имущество: *«Описывайте, а когда придете забирать, квитанция уже будет»*¹⁰³. В Барабинском округе из 822 описей только 15 было доведено до продажи¹⁰⁴.

Следует также отметить, что часть неплательщиков из числа середняков надеялась, что по примеру прошлых лет после завершения налоговой кампании власти пойдут на массовое списывание недоимок, числящихся за беднячками и середнячками хозяйствами. Первая

подобная акция, названная «зачисткой», была проведена по итогам 1923/24 окладного года. По завершению кампании 1924/25 г. долги вновь были списаны. Более того, в связи с провозглашением курса «Лицом к деревне» государство в лице ВЦИК и СНК РСФСР 7 сентября приняло решение прекратить все находящиеся в производстве административные и судебные дела, возбужденные в связи с неуплатой крестьянами единого натурального и единого сельскохозяйственного налогов, «аннулировать» все неисполненные приговоры и невзысканные штрафы, снять аресты с крестьянского имущества, непроданное имущество вернуть владельцам, а также освободить от дальнейшего отбывания наказания всех крестьян, приговоренных к лишению свободы и исправительно-трудовым работам¹⁰⁵. Естественно, что крестьяне ждали повторения «зачистки» недоимок и в 1925/26 окладном году. В отчете Кузнецкого окрисполкома от 23 марта 1926 г. указывалось, что составляющие большую часть недоимщиков середняки *«твердо уверены»* как в повышении закупочных цен на хлеб, так и в *«неприменении к ним мер воздействия и питают надежду по опыту прошлых лет на зачистку»*¹⁰⁶.

В 1926/27 г. хлебозаготовки проходили более чем успешно¹⁰⁷, и какие-либо серьезные причины экономического характера для внесения налога в срок с точки зрения работников финансовых органов отсутствовали. По их мнению, речь шла не о невозможности, а об «умышленном» затягивании уплаты со стороны зажиточных крестьян, как их реакции на существенное увеличение тяжести обложения¹⁰⁸.

Возникшая в первой половине кампании 1927/28 г. массовая недоимочность в очередной раз была связана с хлебозаготовками. Сибирских крестьян, как в 1924/25 г. и в 1925/26 г., не устраивали государственные закупочные цены, и они, надеясь на их повышение, воздерживались от продажи хлеба. Кроме того, задержка его реализации была связана со слухами о скором начале войны. И наконец, многие сельские жители не уплатили ЕСХН, поскольку надеялись на более массовое, чем это произошло на практике, предоставление налоговых льгот в связи с празднованием десятилетия Октябрьской революции¹⁰⁹.

Для того чтобы предотвратить или преодолеть массовую недоимочность, власти вели в деревне агитационно-разъяснительную работу. Однако основным методом борьбы против неуплаты ЕСХН в установленные сроки являлись законодательно определенные репрессалии против недоимщиков (штрафы, описи имущества с последующей продажей с торгов, привлечение к уголовной ответственности), которые также носили т.н. классовый характер, т.е. в

первую очередь применялись к зажиточным крестьянам. Так, в кампанию 1924/25 г. штраф был наложен на 18 812 крестьянских хозяйств Сибири. Из них 21 относилось к категории бедняцких, 3 288 – середняцких и 15 503 – зажиточных. Сумма штрафа на зажиточных крестьян составила 88% от общей. К уголовной ответственности за неуплату налога в срок было привлечено 578 зажиточных крестьян, 89 середняков и 4 бедняка¹¹⁰.

В середине декабря 1925 г. крайфинотдел обязал окружные финансовые отделы взыскать недоимки по ЕСХН, *«принимая все меры понуждения первоначально к наиболее состоятельным плательщикам, а затем и к остальным группам»*. В конце января 1926 г. в циркуляре Сибкрайисполкома и крайфинотдела предлагалось *«принять исчерпывающие меры воздействия на неисправных плательщиков»*, в первую очередь, направив их *«в сторону понуждения наиболее зажиточных групп населения, затягивающих уплату налога и не желающих вывозить на рынок хлебные запасы»*¹¹¹.

На присно памятном заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) 18 января 1928 г., на котором присутствовал приехавший в Сибирь в связи с кризисом хлебозаготовок И.В. Сталин, помимо указания о применении 107 ст. УК РСФСР к кулацким хозяйствам, задерживающим реализацию хлеба, окружным и районным комитетам компартии предлагалось *«обеспечить энергичное взыскание недоимок по сельхозналогу с тем, чтобы ряд кулаков был обязательно подвергнут репрессивным мерам взыскания за несвоевременную сдачу сельхозналога (арест, судебные процессы и проч.)»*¹¹².

Достаточно часто власти шли на оперативное изменение законодательных актов, которые, по их мнению, мешали безнедоимочному сбору налогов и сборов. Так, ответом Центра на массовую неуплату ЕСХН зимой 1926 г. стало принятое в начале февраля ЦИК СССР решение об увеличении размера пени за несвоевременную уплату с 0,1 до 0,2% за каждый день просрочки и предоставление райисполкомам права утверждать описи для продажи (ранее для этого было нужно судебное решение)¹¹³. Кроме того, в начале марта ВЦИК потребовал усиления репрессий в отношении «злостных» неплательщиков и возложил ответственность за своевременный сбор налога на председателей краевых, окружных, районных и сельских советов¹¹⁴.

В начале января 1928 г. в рамках усиления нажима на недоимщиков окружные исполкомы края по требованию краевых властей пошли на существенное ускорение процедуры изъятия имущества в счет погашения недоимки¹¹⁵. Так, Барнаульский окрисполком предложил

райисполкомам и сельсоветам производить опись имущества и в первую очередь запасов хлеба в течение суток после невыполнения срочного задания. Описанное имущество следовало немедленно арестовать или изъять для хранения. Право утверждения описи, которое надлежало произвести в течение суток, помимо райисполкомов получали их члены, а также уполномоченные. Продажу описанного имущества следовало осуществить в течение суток после утверждения описи. Таким образом, процедура описи и продажи с торгов должна была завершиться за трое суток. Ранее она занимала значительно более длительное время. Лица, «систематически» уклоняющиеся от своевременной уплаты налога, привлекались к суду, рассмотрение их дел производилось вне всякой очереди и без производства предварительного следствия¹¹⁶.

Другим методом ускорения сбора налогов было изменение промежуточных сроков их уплаты в ходе кампании. В начале 1924/25 окладного года Алтайский губисполком, опасаясь в связи с медленными темпами сбора ЕСХН невыполнения задания первого срока (20% годовой суммы к 1 ноября), ввел на территории губернии промежуточный обязательный срок – 23 октября, до наступления которого крестьянам следовало сдать 15% сельхозналога. Несдача данной суммы каралась немедленным применением законодательно установленных мер административного и судебного воздействия¹¹⁷.

В 1927/28 г., с тем чтобы побудить крестьян к продаже задерживаемого ими хлеба, Советское правительство обязало региональные органы власти добиться досрочной уплаты обязательных денежных платежей¹¹⁸. Выполняя указание Центра, Сибкрайком ВКП(б) и Сибкрайисполком приняли решение перенести обязательные сроки сдачи сельхозналога: третий срок (85% от годового задания) – с 1 февраля на 15 января; четвертый, последний срок (100%) – с 1 апреля на 15 февраля. При этом окружному начальству «категорически» предлагалось *«мобилизовать необходимое количество работников для посылки в районы и принять все необходимые меры, вплоть до применения репрессий, к обеспечению безнедоимочного сбора сельхозналога»*¹¹⁹.

Изменение установленных сроков уплаты вызвало у крестьян-налогоплательщиков недоумение и недовольство. Чаще всего данная акция властей связывалась с приближением войны или иных политических катаклизмов. В информационно-политических сводках, составленных в январе 1928 г. по поступившим из деревни материалам, приводятся следующие сообщения с мест. *«Но все же крестьяне в недоумении, почему, мол, все проводится круто. У них у всех такое*

впечатление, что скоро будет война, поэтому торопятся скорее взять у мужика деньги». «Население выражает большое недовольство в перенесении срока уплаты раньше, чем указано в окладных листах, и, главным образом, спрашивают почему это делают. И имеются такие места, например, в деревне Троицкое один крестьянин говорит: раз начинают так прежде времени взыскивать, то это значит, что чувствуют какую-то гибель – войну или переворот. <...> А также о том, что может быть переворот, имеются разговоры и в других селах». «Почему правительство обманывает нас, сначала укажет один срок, а потом меняет». «На общем собрании кулак Басов внушал группе крестьян: “Что вы молчите, ведь нас обманывают коммунисты. Не соглашайтесь платить ЕСХН в предложенный срок”»¹²⁰.

Однако обрушившаяся на деревню лавина репрессий обеспечила сбор сельхозналога во вновь установленные сроки. По неполным данным окружкома ВКП(б), в Бийском округе за первые две декады января за неуплату ЕСХН описали имущество в 1 973 крестьянских хозяйствах, выдали 966 судебных предписаний о его продаже, к суду привлекали 101 жителя деревни, провели 44 «показательных» процесса над «злостными» недоимщиками, «за бездействие» сняли с работы 50 сельских функционеров¹²¹. В Угловском районе Рубцовского округа судья выдал сразу 700 судебных приказов милиции к взысканию платежей в алфавитном порядке¹²². До середины мая в целом по краю по ст. 60 УК РСФСР¹²³, предусматривающей уголовное наказание за неуплату налога в срок, было возбуждено 2 663 дела, что в полтора раза превышало количество дел, рассмотренных сибирскими судами по 107-й статье¹²⁴.

Усиление в конце 1920-х гг. фискального давления на более состоятельные слои деревни вынуждало их сокращать размеры своих хозяйств. Зажиточный крестьянин Малышев из Хабаровского района Славгородского округа летом 1927 г. по этому поводу заявил: *«Я нынче посев уменьшил на 22 дес., чтобы не быть кулаком, а то противно – все тебя называют кулаком»*¹²⁵. В докладной записке-сводке ПП ОГПУ по Сибирскому краю от 22 февраля 1929 г. сообщалось о сокращении и дроблении хозяйств, относимых к категории кулацких, уменьшении в них количества продуктивного и рабочего скота, распродаже сельхозмашин, сокращении посева и даже их самоликвидации. Подобные действия сопровождались следующими комментариями: *«Для чего крестьянину развивать свое хозяйство, когда все равно все идет на налоги и другие платежи»*. *«Бедняку*

сейчас живется хорошо, надо переводить свое хозяйство в бедняцкие»¹²⁶.

Увеличение налогообложения, которое сочеталось с мерами по ограничению возможностей хозяйственной деятельности зажиточных крестьян и жестким политическим прессингом, еще до официального объявления перехода к политике «раскулачивания» привело к фактической ликвидации кулачества как особой социально-имущественной группы в составе крестьянства.

Однако сколько-нибудь заметного роста состоятельности не показала ни освобожденная от сельхозналога беднота, ни получившие в 1929 г. «облегчение обложения» середняки. И дело здесь не только во вполне оправданной боязни быть причисленными к кулакам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уменьшив размеры ЕСХН, большевистский режим компенсировал свои потери за счет других бюджетных и внебюджетных платежей (самообложения, обязательного окладного страхования, паевых взносов в кооперацию и госзаймов)¹²⁷. Однако разорили и т.н. трудовые единоличные крестьянские хозяйства, и деревню в целом не столько налоги и сборы, сколько форсированная коллективизация.

¹ Вводя ЕСХН, государство запретило местным органам управления учреждение каких-либо иных налогов. В то же время законодательство допускало добровольное самообложение жителей сельских населенных пунктов. С так называемых лишенцев взимался денежный «сбор с лиц, лишенных права быть сельхозисполнителями». Помимо этого, в качестве инструментов прямого изъятия денежных средств деревни использовались взносы в фонды комитетов крестьянского общества взаимопомощи, паевые взносы в кооперацию, обязательное окладное страхование крестьянских и коллективных хозяйств, государственные займы, проценты по государственным кредитам и ссудам. В 1928 г. характер обязательных денежных налогов приобрели формально остающиеся добровольными самообложение и государственные займы. — См.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирское деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 12–15.

² См.: Роголина Н.Л. Налоговая политика советского государства в отношении деревенской буржуазии до сплошной коллективизации (1926—1929 гг.). // Вестник МГУ. История. 1971. № 5; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973; Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917—1927 гг. М., 1977; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921—1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978; Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.).

Новосибирск, 1987; Серпинский В.П. Нэп: практика налогообложения крестьянства // Вестник МГУ. Экономика. 1993. № 5.; Плеханова О.В. Налоговая политика советского государства в деревне в 1925—1929 гг. и ее осуществление в Московской, Рязанской и Тульской губерниях. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1997; Еферина Т.В., Марискин О.И., Надькин Т.Д. Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920—1930-е гг. Саранск, 1998; Саблин В.А. Сельскохозяйственный налог в вологодской деревне в годы нэпа. (Анализ налоговых кампаний 1921/22—1929/30 гг.) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 2. М., 2001; В.А. Лабузов. Прерванный выбор. Оренбургская деревня в 20-х – начале 30-х годов XX столетия. Часть. I. Сельское хозяйство Оренбургской губернии в годы новой экономической политики. М., 2003; Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). Тамбов, 2004; и др.

³ СУ РСФСР. 1923. № 42. Ст. 451.

⁴ Учитывался скот в возрасте от 1,5 лет и более.

⁵ Дворы без скота с посевом 0,5 и менее дес. на едока в районах, отнесенных к первым трем разрядам урожайности, и дворы без скота с посевом 0,25 и менее дес. на едока в районах, отнесенных к 4 и 5-му разрядам урожайности, облагались по нулевой ставке.

⁶ Ставки обложения крестьянских хозяйств в 1923/24 г. в районах, отнесенных к 4-му разряду урожайности (от 36 до 40 пудов с дес.), в ржаных единицах:

Группа хозяйств	Без скота		До двух голов		От 2 до 4 голов		Более 4-х голов	
	пуд.	фунт.	пуд.	фунт.	пуд.	фунт.	пуд.	фунт.
Менее 0,25 дес. на едока	0	0	1	5	1	35	2	25
От 0,25 до 0,5 дес.	0	20	1	35	2	25	3	15
От 0,5 до 0,75 дес.	1	10	2	35	3	25	4	15
От 0,75 до 1 дес.	2	20	4	0	4	30	5	20
От 1 до 1,5 дес.	3	25	5	10	6	0	6	30
От 1,5 до 2 дес.	4	35	6	15	7	10	8	0
От 2 до 2,5 дес.	5	35	7	20	8	15	9	5
От 2,5 до 3 дес.	6	25	8	20	9	15	10	5
Более 3 дес.	7	15	9	10	10	0	10	25

⁷ Известия. 1924. 6, 7, 8 авг.

⁸ Базовым объектом обложения для беспосевных скотоводческих хозяйств являлось условное поголовье КРС, в состав которого, помимо КРС, по установленным коэффициентам пересчета включался рабочий скот, а также овцы и козы.

⁹ В Алтайской губернии в 1924/25 г. к условной десятина посева приравнивались 4 дес. заливного и 5,9 дес. незаливного сенокоса, 2,5 головы КРС и рабочих лошадей. — ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 706, л. 10.

¹⁰ В Сибири обложению подлежали лошади старше 4-х лет, КРС старше 2-х лет (в других регионах – старше 3-х лет и 1,5 лет соответственно), а в беспосевных скотоводческих хозяйствах – перезимовавшие овцы и козы.

¹¹ Таблица исчисления размеров ЕСХН в 1924/25 г. для крестьянских хозяйств Омской, Новониколаевской и Алтайской губерний, в коп.

Разряды обложения	1-я ставка	2-я ставка	3-я ставка
1	120	230	340
2	130	270	390
3	150	310	450
4	170	350	520
5	200	400	600
6	230	460	690
7	270	530	800
8	310	610	920
9	350	700	1050

¹² Дополнительная скидка для Томской, Енисейской и Иркутской губерний составляла 5%, для Омской, Новониколаевской, Алтайской губерний и Ойротии – 8% оклада ЕСХН. — СЗ СССР. 1924. № 8. Ст. 91.

¹³ ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 666, л. 203.

¹⁴ Там же. Размеры процентной надбавки в Омской и Томской губерниях составляли 38%, в Новониколаевской и Енисейской губерниях – 40, в Алтайской губернии – 33, в Иркутской губернии и Ойротии – 50% от оклада ЕСХН. — СЗ СССР. 1924. № 8. Ст. 91.

¹⁵ Бюджеты крестьян Сибирского края в 1923–24 году. Новониколаевск, 1925. С. 90, 156, 163.

¹⁶ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 1: Сельское хозяйство. Новосибирск, 1927. С. 300, 310.

¹⁷ СЗ СССР. 1925. № 17. Ст. 124.

¹⁸ Там же. № 31. Ст. 208.

¹⁹ Финансирование местных расходов осуществлялось за счет процентных отчислений от общей суммы ЕСХН.

²⁰ В Алтайской губернии в 1925/26 г. к условной десятина посева приравнивались 6,6 дес. незаливного сенокоса, 3,3 головы КРС и рабочих лошадей, тогда как в 1924/25 г. – 5,9 дес. и 2,5 головы соответственно. — СЗ СССР. 1925. № 31. Ст. 208; ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 706, л. 10.

²¹ Таблица исчисления размеров ЕСХН в 1925/26 г. для крестьянских хозяйств Омской губернии, в коп.

Разряды обложения	1-я ставка	2-я ставка	3-я ставка
1	65	195	505
2	75	220	560
3	80	245	625
4	90	270	695
5	100	300	770
6	110	330	845
7	120	365	930
8	135	400	1025
9	145	440	1125

²² Бюджеты крестьян Сибирского края в 1925—1926 году. Новосибирск, 1930. С. XV, XXIII; Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 314, 323.

²³ СЗ СССР. 1926. № 30. Ст. 192.

²⁴ В 1926/27 г. СНК РСФСР (СУ РСФСР. 1926. № 40. Ст. 312) установил для Сибирского края особую шкалу исчисления платежей по ЕСХН:

Годовой облагаемый доход на одного едока	Ставка подоходного обложения
до 20 руб.	3 коп. с каждого рубля.
от 20 до 30 руб.	5 коп. с каждого рубля сверх 20 руб.
от 30 до 40 руб.	8 коп. — " — 30 руб.
от 40 до 50 руб.	14 коп. — " — 40 руб.
от 50 до 60 руб.	19 коп. — " — 50 руб.
от 60 до 80 руб.	21 коп. — " — 60
от 80 до 100 руб.	23 коп. — " — 80 руб.
свыше 100 руб.	25 коп. — " — 100 руб.

²⁵ Облагаемый возраст КРС в 1926/27 г. был увеличен до 3-х лет.

²⁶ Для Сибирского края необлагаемый минимум был установлен в размере 20 руб. на едока или 60 руб. на хозяйство. — СУ РСФСР. 1926. № 27. Ст. 216.

²⁷ Там же. Ст. 217, 218.

²⁸ Там же. № 40. Ст. 312.

²⁹ В годовой облагаемый доход включалось 15% оплаты работы по найму лиц, постоянно проживающих в пределах своего дворохозяйства, и 10% оплаты труда, полученной лицами, выезжающими на заработки. При этом обложению не подлежала зарплата крестьян, работающих на выборных должностях, а также оплата труда батраков. — ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 516, л. 155, 202.

³⁰ Там же, л. 195–206.

³¹ В Сибирском крае обложению сельхозналогом подлежали полученные крестьянами доходы от молотилок, мельниц, крупорушек, маслобоек, кузниц, слесарных мастерских, а также от овчинного, кожевенного, пимокатного, колесного, смолокуренного, бондарного, гончарного, пушного, столярного, кедрового и извозного промыслов и ремесел. Не учитывались заработки от указанных видов деятельности, составляющие менее 50 руб. в год на хозяйство и 20 руб. на едока. Не брался в расчет и не превышающий 50 руб. годовой доход от молотилок. В хозяйствах, в которых заработок был больше указанных сумм, но меньше 100 руб., учитывался весь полученный доход. У дворов с доходом от 100 до 600 руб. в облагаемую базу включалось, как правило, 100 руб. Для «мощных» хозяйств эта сумма могла увеличиваться до 180 руб. У дворов с заработками от кустарных ремесел и промыслов, превышающими 600 руб., учету подлежало 25% полученного дохода. — Там же, д. 517, л. 269, 283, д. 516, л. 56–56об.

³² Там же, д. 508, л. 784, 992.

³³ СЗ СССР. 1927. № 17. Ст. 184.

³⁴ СУ РСФСР. 1927. № 45. Ст. 301.

³⁵ В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 31 мая 1927 г. «О порядке обложения доходов от неземледельческих заработков единым сельскохозяйственным налогом в 1927—1928 году» в годовой облагаемый доход включалось 15% оплаты работы по найму лиц, постоянно проживающих в пределах своего дворохозяйства, 10% оплаты труда, полученной лицами, выезжающими на заработки, не менее 20% «чистого» дохода, полученного от кустарных ремесел и промыслов без использования наемной рабочей силы. Для

кустарей-ремесленников, использующих одного наемного рабочего, эта доля увеличивалась до 25%, двух наемных рабочих – до 35, трех – до 45%. В облагаемую базу также надлежало включать от 40 до 60, а в отдельных случаях – и до 75% дохода от сдачи в аренду или наем земли, помещений и сельхозинвентаря. — Там же. № 52. Ст. 350.

³⁶ В Сибирском крае необлагаемый минимум для хозяйств, состоящих из одного или двух человек, составлял 80 руб., трех–четырех – 90 руб., из пяти и более человек – 100 руб.

³⁷ Хозяйствам, состоящим из одного человека, предоставлялась скидка с суммы годового дохода в размере 30%, состоящим из двух человек – 20%, а если хотя бы один из них являлся нетрудоспособным, то размер скидки увеличивался до 30%.

³⁸ Задача довести общее количество освобожденной от налога бедноты до 35% от общего числа крестьянских хозяйств была поставлена Манифестом ЦИК СССР, принятым по поводу десятилетия советской власти в октябре 1927 г. — СЗ СССР. 1927. № 61. Ст. 613.

³⁹ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С. 173.

⁴⁰ В 1927/28 г. сумма платежей по ЕСХН в Сибири исчислялась по общесоюзной шкале подоходного обложения, в которой предусматривались более низкие ставки для ее первых 5 ступеней:

Годовой облагаемый доход на одного едока	Ставка подоходного обложения
до 20 руб.	2 коп. с каждого рубля.
от 20 до 30 руб.	3 коп. с каждого рубля сверх 20 руб.
от 30 до 40 руб.	5 коп. – " – 30 руб.
от 40 до 50 руб.	10 коп. – " – 40 руб.
от 50 до 60 руб.	17 коп. – " – 50 руб.
от 60 до 80 руб.	21 коп. – " – 60
от 80 до 100 руб.	23 коп. – " – 80 руб.
свыше 100 руб.	25 коп. – " – 100 руб.

⁴¹ Для Сибирского края были снижены нормы доходности зерновых (до 37 руб. с дес.), КРС (до 14 руб. с головы) и увеличена норма доходности овец и коз (до 2 руб. с головы).

⁴² СЗ СССР. 1928. № 24. Ст. 212.

⁴³ Похозяйственный принцип обложения в 1925/26—1926/27 гг. в порядке эксперимента применялся на Украине.

⁴⁴ В 1928/29 г. сумма платежей ЕСХН крестьянскими хозяйствами исчислялась по следующей шкале ставок:

Годовой облагаемый доход на хозяйство	Ставка подоходного обложения
до 25 руб.	4 коп. с каждого рубля.
от 25 до 100 руб.	7 коп. с каждого рубля сверх 25 руб.
от 100 до 150 руб.	10 коп. – " – 100 руб.
от 150 до 200 руб.	15 коп. – " – 150 руб.
от 200 до 250 руб.	20 коп. – " – 200 руб.
от 250 до 300 руб.	22 коп. – " – 250 руб.
от 300 до 400 руб.	25 коп. – " – 300 руб.

от 400 до 600 руб.
свыше 600 руб.

28 коп. – " – 400 руб.
30 коп. – " – 600 руб.

⁴⁵ Для Сибирского края были установлены следующие процентные надбавки: для хозяйств с доходом от 400 до 450 руб. – 5%, от 450 до 500 руб. – 6, от 500 до 550 руб. – 7, от 550 до 600 руб. – 8, от 600 до 650 руб. – 10, от 650 до 700 руб. – 12, от 700 до 750 руб. – 14, от 750 до 800 руб. – 16, от 800 до 900 руб. – 19, от 900 до 1 000 руб. – 22%, для хозяйств с доходом свыше 1 000 руб. – 25%. Процентные надбавки не применялись к дворам с низким (50 руб.) уровнем дохода на едока, а также к хозяйствам с годовым облагаемым доходом до 800 руб., которые при этом не располагали рабочим скотом. — СУ РСФСР. 1928. № 72. Ст. 511.

⁴⁶ В годовой облагаемый доход следовало включать не менее 35% «чистого» дохода, полученного от кустарно-ремесленных промыслов без использования наемной рабочей силы. Для кустарей-ремесленников, использующих одного наемного рабочего, доля фиксированного включения должна была увеличиваться на 5%, двух наемных рабочих – на 15, трех – на 25%.

⁴⁷ Облагаемая база от сельхозпроизводства в т.н. трудовых крестьянских хозяйствах продолжала рассчитываться по нормам вмененной доходности, определяемым для каждой союзной республики, а затем АССР, края (области), округа, района. Считалось, что эти нормы существенно ниже реального дохода, получаемого крестьянами от указанных объектов обложения.

⁴⁸ Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1929—1932 гг.). Новосибирск, 1972. С. 151—152.

⁴⁹ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930—1940 гг. Новосибирск, 2000. С. 52.

⁵⁰ В Сибирском крае необлагаемый минимум для хозяйств, состоящих из одного или двух человек, составлял 80 руб., трех—четырех – 100 руб., из пяти и более человек – 110 руб.

⁵¹ Гушин Н.Я. Сибирская деревня... С. 173.

⁵² В Сибирском крае увеличились нормы доходности огородных культур, сенокосов, КРС и свиней (до 120 руб. и 13 руб. с дес., 15 и 5 руб. с головы соответственно). В то же время норма доходности одной головы овец или коз снизилась на 20 коп.

⁵³ ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 13, л. 9, 21, 30.

⁵⁴ См.: Данилов В.П. Советская налоговая политика ... С. 188.

⁵⁵ ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 10, л. 10.

⁵⁶ Там же, л. 50, 150, 291об.

⁵⁷ Известия. 1928. 21 апр.

⁵⁸ Об изменениях, внесенных в систему налогообложения деревни в 1929 г., см.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 17—18.

⁵⁹ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 59, л. 64; ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 90; д. 14, л. 105.

⁶⁰ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 1554, л. 57об.; ф. Р-1052, оп. 1, д. 637а, л. 61.

⁶¹ Там же, ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 2об.

⁶² Родинский район Славгородского округа: Материалы обследования сибирской деревни. Новосибирск, 1927. С. 19.

⁶³ На 1 января 1929 г. в Сибирском крае общинно-захватная форма землепользования охватывала 33% крестьянских земель. — Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С. 84.

⁶⁴ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 59, л. 64; ф. Р-1052, оп. 1, д. 674, л. 30.

⁶⁵ В 1923/24—1924/25 г. учитывался крупный рогатый и рабочий скот, достигший облагаемого возраста до 1 апреля т.г., в последующие годы – до 1 мая.

⁶⁶ ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 701, л. 136об.; ф. Р-6, оп. 1, д. 529, л. 60об.; ф. П-2, оп. 2, д. 239, л. 27.

⁶⁷ Там же, ф. Р-1052, оп. 1, д. 637а, л. 47.

⁶⁸ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 99, л. 31.

⁶⁹ Там же, ф. Р-47, оп. 5, д. 59, л. 64.

⁷⁰ Там же, л. 136об.

⁷¹ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 239, л. 27, д. 219, л. 27, 22; ф. Р-6, оп. 2а, д. 14, л. 81.

⁷² Родинский район... С. 19.

⁷³ Там же. С. 19, 21.

⁷⁴ Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927–28 г. Новосибирск, 1928. С. 12.

⁷⁵ ГАНО, ф. Р-288, оп. 1, д. 247, л. 27, 27об.; ф. Р-47, оп. 1, д. 483, л. 29.

⁷⁶ В 1924—1929 гг. статорганами региона проводились весенние выборочные обследования крестьянских хозяйств (в 1924—1925 – 5%, в 1926—1929 – 10%), результаты которых экстраполировались на всю генеральную совокупность.

⁷⁷ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 239, л. 40.

⁷⁸ Там же, л. 497.

⁷⁹ Там же, ф. Р-47, оп. 5, д. 59, л. 137.

⁸⁰ Там же, л. 65.

⁸¹ Там же, ф. Р-288, оп. 1, д. 247, л. 23; ф. Р-6, оп. 1, д. 99, л. 31об., д. 931, л. 48; Обложение сельского хозяйства Сибирского края ... С. 21.

⁸² Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне в условиях нэпа (1924—1927 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. Л. 76.

⁸³ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 970, л. 90; ф. П-2, оп. 2, д. 248, л. 24.

⁸⁴ Советская Сибирь. 1926. 18 авг.

⁸⁵ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 970, л. 90; ф. Р-47, оп. 5, д. 88, л. 5.

⁸⁶ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 1489, л. 6.

⁸⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 19, л. 22; ГАРФ, ф. 406, оп. 10, д. 876, л. 20; ГАНО, ф. П-2, оп. 4, д. 13, л. 177.

⁸⁸ ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 701, л. 137; ф. П-2, оп. 2, д. 62, л. 294.

⁸⁹ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 931, л. 2об., 49.

⁹⁰ Там же, ф. Р-1052, оп. 1, д. 681, л. 112.

⁹¹ Там же, ф. Р-47, оп. 1, д. 597, л. 141.

⁹² В 1926 г. на 100 крестьянских хозяйств Сибирского края в среднем приходилось 3 раздела, в 1927 г. – 3,5, в 1928 г. – 4,7 разделов. — Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 51.

⁹³ Рассчитано: ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 672, л. 657; Жизнь Сибири. 1925. № 4. С. 111.

⁹⁴ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 931, л. 36; д. 1527, л. 176.

⁹⁵ Советская Сибирь. 1926. 14 ноября; 25 дек.

⁹⁶ Обложение сельского хозяйства Сибирского края. С. 39, 40.

⁹⁷ ГАНО, ф. Р-288, оп. 1, д. 247, л. 41об.

⁹⁸ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 1527, л. 174–175.

⁹⁹ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 80, 83.

¹⁰⁰ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 99, л. 67.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, л. 68.

¹⁰³ Красное знамя (Томск). 1926. 30 янв.

¹⁰⁴ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1527, л. 266.

¹⁰⁵ СУ РСФСР. 1925. № 61. Ст. 497.

¹⁰⁶ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 63, л. 149.

¹⁰⁷ В сентябре 1926 г. месячный план хлебозаготовок был выполнен на 293%, в октябре – на 234, в ноябре – на 240, в декабре – на 136%. — Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 159.

¹⁰⁸ Советская Сибирь. 1926. 14 ноября.

¹⁰⁹ ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 82; ф. Р-47, оп. 1, д. 565, л. 89об.

¹¹⁰ Там же, ф. Р-12, оп. 1, д. 38, л. 269.

¹¹¹ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 99, л. 65об., 66.

¹¹² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 197.

¹¹³ СЗ СССР. 1926. № 8. Ст. 56.

¹¹⁴ ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 60, л. 28.

¹¹⁵ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 968, л. 232.

¹¹⁶ ЦХАФАК, ф. Р-100, оп. 1, д. 135, л. 2–6.

¹¹⁷ ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 672, л. 592об.

¹¹⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 109.

¹¹⁹ ГАНО, ф. П-2, оп. 4, д. 13, л. 239; ф. Р-47, оп. 1, д. 607, л. 12–13.

¹²⁰ Там же, ф. Р-47, оп. 1, д. 698, л. 54–55, 66.

¹²¹ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 106.

¹²² Демидов В.В. Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. в сибирской деревне // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 128.

¹²³ Статья 60 УК РСФСР гласила: *«Неплатеж в установленный срок налогов и сборов по обязательному окладному страхованию, несмотря на наличие к тому возможности, в случае применения мер взыскания в виде описи имущества с торгов, хотя бы один раз в предшествующем окладном году или дважды в текущем, влечет за собой: в первый раз штраф в размере тех же платежей; во второй раз – принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере тех же платежей. Те же действия, совершаемые группой лиц по предварительному соглашению, – лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года с конфискацией части имущества или без этого или штраф в тройном размере платежей»*. — Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 46.

¹²⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 779.

¹²⁵ ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 88.

¹²⁶ Там же, д. 14, л. 32–34.

¹²⁷ См.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 14–15, 19–20.